

3

Балкон моей кухни занимает стратегически важную позицию. Его стеклянная дверь закрывается с помощью специального магнитного механизма, который я установила, чтобы не пускать сквозняк и таким образом экономить на отоплении зимой и сохранять прохладу летом. Ладно, иногда я жульничаю. Когда становится действительно жарко, я сбегая к Трофею. Пока он смотрит телевизор, я сижу на полу, наслаждаюсь прохладой кондиционера и чувствую себя виноватой перед планетой.

На балконе, рядом со шкафчиком, в котором лежит все, что может пригодиться мне для работы в саду, я держу горшки с перцем, помидорами и лекарственными травами, мини-шезлонг и старую клеенку, из которой я сделала навес от солнца и дождя.

Балкон занимает стратегически важную позицию, потому что он выходит в переулок и с него удобно наблюдать за подъемной дверью. *Моей* красной подъемной дверью, между табачной лавкой и прачечной самообслуживания. Вот уже пять лет мой день начинается и заканчивается тем, что я бросаю взгляд на эту дверь. И я еще молчу о том, сколько раз я поглядываю на нее

в течение дня — не могу остановиться. Все время я надеюсь, что она поднимется, но всякий раз эта надежда разбивается о холодный жесткий металл. Уже пять лет стоит там эта красная дверь, неподвижная, тождественная самой себе, будто за ней скрывается одна лишь пустота. Нарисованная от руки вывеска «Новый мир» выцвела от времени и непогоды.

Пять лет. Как долго они вначале тянулись и как быстро прошли. Так быстро, что, оборачиваясь назад, я не могу понять, куда они подевались, на самом ли деле я их прожила или просто впустую потратила в ожидании чего-то, чему никогда не суждено случиться.

Когда я пускаюсь в такого рода рассуждения, то ощущаю себя будто в сломанном электроприборе: заземления оказывается недостаточно, и у меня происходит короткое замыкание. Я сижу и гоняю по кругу одну и ту же мысль, словно водоворот, пока не очнусь и не замечу, что день уже кончился, а я даже не вышла из дома. Мысленно разговариваю с матерью. Прошу у нее прощения за то, что не поняла раньше. Что не заметила признаков. Слишком боялась увидеть ее по-настоящему, была слишком маленькой, чтобы помочь. Потом обращаюсь к брату и спрашиваю, любит ли он меня, как раньше. Это я разрушила наше счастье? И было ли у нас счастье?

На этой мысли я обычно достаю письмо, которое пишу своему отцу. Уже пять лет. С ним у меня говорить не получается даже в воображении. Беру перьевую ручку, приписываю строчку, что-нибудь зачеркиваю, пробую заново. Слова прокручиваются в пустоте,

будто винтики с сорванной резьбой, и не помогают мне выразить мысли. В итоге я начинаю сомневаться в том, что хочу сказать, кладу ручку и неизменно возвращаю письмо в ящик.

«Моя жизнь в Милане не такая, какой я ее себе представляла, — признаю я наконец. Звук моего охрипшего голоса глухо раздается в тишине, как шум мотора, заведенного впервые после долгих лет простоя. — Но в городе жить хорошо, правда». В этот момент я обычно наливаю себе стакан воды и выхожу на балкон. Стою там, уставившись в пустоту. Смотрю на колокольню далекой церкви, на цветы, которые сворачивают бутоны, готовясь к ночи, на свое отражение в стекле балконной двери: собранные в пучок волосы, комбинезон и ботинки — неряшливый вид человека, удивленного тем, что он еще существует на этом свете.

Каждый понедельник я прихожу в винный магазинчик, что в конце Навильо, сдаю две пустые бутылки и беру две полные — «Сан-Коломбано» свежего розлива. Я иду пешком вдоль поля, нахожу подорожники, одуванчики, крапиву, а иногда и одежду, журналы и всякие мелочи. Если они в хорошем состоянии, я кладу их в рюкзак: мир щедр на подарки, если у тебя наметан глаз. Собранные вещи я чиню и храню, пока им не найдется подходящий хозяин.

«Твой рабочий кабинет похож на гараж», — с улыбкой заявил мне Эудженио однажды воскресным вечером. Ему гаражи очень нравятся.

В моем кабинете стоит прочный металлический стол, лежат инструменты, материалы для ремонта и все то, что я подбираю, чтобы починить. Источником света

служит промышленная лампа, которую я нашла на заброшенном заводе недалеко от дома.

Я сплю в бывшей комнате бабушки, она чуть больше кабинета. В ней есть только вмонтированная в шкаф полутораспальная кровать и висящее на стене распятие.

Гостиную заполняют вещи, которые я уже починила: кресло в цветочек, расписанный вручную абажур, два зонтика из рисовой бумаги, старинная рама, трость с набалдашником в форме утиной головы, старый жестяной волчок, кресло-качалка и тому подобное. Эти вещи составляют мне компанию, как и обои с узором из цветков сакуры в коридоре и гравюры, которые я нашла на тротуаре и повесила у входа. «Окружай себя красотой, — говорила моя мама, — и никогда не будешь одна». Кроме Эудженио, никто никогда не был у меня в гостях.

Но сегодня мне некогда унывать. Сегодня случилось чудо — поднялась красная дверь! Я настолько привыкла видеть ее закрытой, что на мгновение растерялась. Мой взгляд падает на вывеску — висит, все такая же выцветшая: «Новый мир».

Дверь поднялась! Я не могу в это поверить. Закрываю глаза и снова открываю — не опустилась. Наклоняюсь через перила — удастся разглядеть потрескавшиеся оконные рамы, тоже красные, и витрину, почерневшую от пыли. Осматриваюсь по сторонам, проверяя, не сон ли это. Кажется, все как в реальности. Табачная лавка на месте, на углу — ее владелец, как обычно, стоит на пороге, курит и разглагольствует. Дверь прачечной распахнута, через проем проглядывают ноги одного из тех многих, кто каждую ночь

находит в ней приют. По небу плывут белые облака, медленно пролетает самолет. Вдалеке слышен шум трамвая. Небо будто лист бумаги, и на нем, на горизонте, вырезан силуэт церковной колокольни. Кидаю взгляд на солнечные часы, которые я сама смастерила. Тень падает правильно. Смотрю на свои руки. Все десять пальцев на месте. Подпрыгиваю, чтобы проверить, не зависну ли в воздухе, — ну да, какое там.

Всем своим существом я надеялась, что однажды эта дверь поднимется. Желала этого больше всего на свете. Если уж на то пошло, она должна была подняться ради меня. И поднялась — в самый неожиданный момент, сегодня, майским субботним утром, в семь часов тридцать минут.

Я пытаюсь наклониться сильнее, но мой балкон слишком высоко — не видно, что внутри магазина. Может, постучаться к Я-На-Вас-В-Суд-Подам, который живет подо мной? Уронить, например, что-нибудь к нему на балкон, чтобы был предлог зайти и забрать это. Но кто осмелится подставиться под его сверлящий взгляд? И потом, так он и пустит меня на свой балкон — наверняка пошлет жену, а мне скажет ждать на пороге.

На прошлое Рождество, их первое Рождество в этом доме, его жена подарила мне бутылку ликера «Стрега» и коробочку печенья «Роял Данск», подписав открытку: «Для Геи, души нашего дома». Меня это поразило, ведь мы с ней до этого и словом не обменялись. Просто улыбались друг другу, когда встречались во дворе.

Недавно я столкнулась с ней в подъезде. Она вышла прямо в тот момент, когда я возвращалась, и было

уже слишком поздно уступать ей дорогу. Я избегала ее с тех пор, как получила от нее подарок, опасаясь, что мне не хватит смелости поблагодарить ее или что она захочет поболтать. Мне плохо дается обмен любезностями — гораздо проще решать конкретные проблемы: например, починить котел или собрать шкаф... Я надеялась, она не заметит, что я от нее бегаю, или хотя бы не примет это на свой счет.

Когда мы снова встретились у почтового ящика, мне не оставалось ничего, кроме как собраться с духом, сказать ей: «Спасибо за подарок» — и надеяться на лучшее.

— Я заметила, ты любишь читать, — ответила она, показывая на книгу в переднем кармане моего комбинезона. Да, я действительно всегда ношу с собой книгу: мне часто приходится ждать на работе, да и вообще всякое бывает. Что может быть лучше, чем забыться где-нибудь с книжкой на десять минут? — Если тебе интересно, у нас богатая библиотека, — добавила она, оглядываясь по сторонам, будто открыла мне тайну.

Я почувствовала, как кровь приливает к лицу. Как я себе и представляла, она хотела поболтать. Я и сама не прочь, если бы знала, что сказать.

— Кроме меня, наши книги никто не читает, — продолжила она. — Можешь взять любые, какие захочешь.

Я поблагодарила ее, но сразу же придумала, что опаздываю и мне нужно бежать. И я так и сделала — убежала.

Если бы она не была женой Я-На-Вас-В-Суд-Подам, я бы, по правде сказать, взяла бы у нее пару книжек. Но от него у меня мурашки по коже: никогда не знаешь,

как он может отреагировать. Если ему почудится, что я манипулирую его женой ради собственной выгоды или просто веду себя навязчиво, — пиши пропало. Лучше уж перечитать одну и ту же книгу триста пятьдесят раз.

Не понимаю, как такая добрая и чуткая женщина могла выйти замуж за такого сварливого и надменного мужчину, как Я-На-Вас-В-Суд-Подам. Но что со-вать нос в чужие дела — у меня и своих навалом.

Заново взвешиваю, стоит ли ронять им что-нибудь на балкон, надеясь, что соседа не окажется дома. Но сегодня суббота, он точно там будет, с сигарой и в тапочках. Лучше бросить вызов судьбе и нарушить свои субботние привычки — взять и пойти в этот магазин самой.

Привычка для меня как канат для канатоходца: иду по нему и не думаю о пропасти под ногами. На рутине держится вся жизнь, и не только моя, а почти всего района. Однако же магазин открылся. Дверь поднялась!

Пройдусь, как обычно, а потом схожу посмотреть. «Кто не рискует, тот не свистит», — говорил мой отец. Он всегда свистел, когда был доволен или преуспевал в делах. Каждый раз, когда он дважды громко свистел, меня переполнял адреналин, потому что в этот момент я точно знала, что он счастлив.

Наконец-то.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

